

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 882-889, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(47)

The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital

Irina V. Potkina ^{a,*}

^a Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article is a response to a number of important issues of the political and socio-economic development of the Russian Empire in the 18–20th centuries, which have been addressed in the fundamental and comprehensive monograph by Boris Mironov, “The Russian Empire: From Tradition to Modernity.” Potkina considers such topics as the situation in contemporary national historiography; the theoretical and methodological basis of research; national policy; religious and class discrimination of the country’s population; and the characteristics of public administration and its effectiveness. She drew attention to the need to expand the concept of human capital through incorporating issues of the formation of secondary and higher vocational education, which played an important role in providing commercial and industrial firms with certified specialists at the turn of the 20th century. The contribution of Russian entrepreneurs and their hired managers in strengthening links between industry and science is particularly emphasized, and the role of representative organizations of the commercial and industrial class in the development of professional education is revealed. The author also shows the complex interaction between traditional and modern Western culture in Imperial Russia during the period of modernization, their mutual influence and finally, their natural convergence. These processes are demonstrated through examples of the business culture of the Morozov merchant dynasty, the art of lacquered miniatures by Mstiora, Palekh, Kholui, and Fedoskino as well as Russian spiritual and classical music in the 15th to 20th centuries.

Keywords: historiography; research methodology; modernization; economic development; governance; the nationality question; technical education; engineering and technical personnel; commercial firms; traditional culture.

Выход в свет трехтомника Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» – заметное явление в современной отечественной исторической науке.

Во-первых, это фундаментальный обобщающий труд, опирающийся на огромный массив разнообразных опубликованных и архивных документов, а также на солидную историографическую базу, которая включает труды отечественных и зарубежных ученых. В современной России появление обобщающего труда в последние годы стало довольно редким явлением, подавляющее большинство опубликованных работ относятся к категории конкретно-исторических исследований, в которых нередко абстрагируются от исторических обобщений.

* Corresponding author

E-mail addresses: potka@inbox.ru (I.V. Potkina)

Обращает на себя внимание своеобразный исследовательский прием, которым успешно пользуется автор, когда анализ историографии органично вплетается в общий ход рассуждений и пронизывает все подразделы трехтомника. При этом полученные другими историками результаты, несмотря даже на принципиальные разногласия с взглядами Б.Н. Миронова, используются последним для подтверждения его собственных наблюдений. Очень хочется, чтобы свободное владение отечественной и зарубежной историографией, неформальный и вдумчивый подход к изучению трудов предшественников, равно как и своих оппонентов по цеху, которым отличаются все работы Б.Н. Миронова, вошли в повседневную научную практику.

Появление любого обобщающего труда, посвященного изучению 300-летнего периода отечественной истории, неизбежно привлекает к себе внимание, поскольку данный период, в особенности XIX–XX вв., является, пожалуй, самым противоречивым и неоднозначным. Стремление специалистов познать и интерпретировать имперскую стадию максимально адекватно реальности, что нашло отражение в огромном количестве неравнозначных по качеству фиксации информации документах, с течением времени не ослабевает. И если ученому удалось ввести в научный оборот ранее не использовавшиеся массовые источники или по-иному взглянуть на старые, то известность его книге и широкое ее обсуждение гарантированы (Миронов, 2012; Миронов, 2013). В этом отношении Б.Н. Миронову с моей точки зрения нет равных.

Во-вторых, почему монография Б.Н. Миронова, на мой взгляд, в очередной раз завоевывает популярность и широкую читательскую аудиторию. Дело в том, что ученый уделяет повышенное внимание проблемам идейно-теоретического осмысления истории. Следует отметить, что он подметил одну тревожную тенденцию в развитии современной российской историографии, как то: или сознательный отказ от рассмотрения теоретико-методологических основ предпринимаемого тем или иным автором исследования, или формально-ритуальный характер данного подраздела в работах большинства историков. Борис Николаевич, напротив, подходит к этим вопросам и серьезно, и творчески, и, как всегда, оригинально. Он не просто отводит особый вводный подраздел, в котором рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к изучению исторического прошлого (Миронов, 2014: 31–74), но и достаточно убедительно и аргументировано показывает эффективность того или иного метода в решении исследовательских задач.

Сам Б.Н. Миронов пишет о том, что он не отдает предпочтение какой-либо теории, а берет сочетание инструментов анализа, свойственных различным концепциям, но, однако, тем, которые приводят к успешному результату. Такой прагматичный подход, на мой взгляд обоснованный автором, наверняка вызовет негативную реакцию у части исторического сообщества и обвинения в теоретическом эклектизме. Может быть, они и имели бы под собой определенные основания, если бы Б.Н. Миронов в завершении не остановился на вопросе о том, какие основные постулаты теорий не получили подтверждения в ходе предпринятого им комплексного историко-экономического, общественно-политического и социокультурного исследования. Автор успешно реализует не только междисциплинарный подход в своей работе, но и положительные возможности теоретического многообразия, или, как некоторые сказали бы с пренебрежением, эклектизма. А последний, как следует из текста монографии, не относится к недостаткам общих взглядов и исходных позиций исследователя.

Как показал Б.Н. Миронов, меньше всего «повезло» при объяснении 300-летней истории России марксистскому методу и цивилизационному подходу, однако и у их приверженцев он находит позитивные и конструктивные идеи, позволяющие интерпретировать прошлое. Этот подраздел небольшой по объему, но очень увлекательно написанный и провоцирующий на размышления. Например, расхожий тезис советских времен о классе, эксплуатирующем труд наемных пролетариев, вряд ли можно назвать плодотворным с познавательной точки зрения. Действительно, в системе координат марксистского метода с моей точки зрения нет полноценного объяснения феномену предпринимательства. Известно, что русский религиозный философ С.Н. Булгаков, кстати ушедший от «легального марксизма», рассматривал эту сферу деятельности человека как акт творчества, а Й. Шумпетер сформулировал концепцию «новатора». Эти идеи, равно как и других их современников, позволяют уйти от описательности и подойти к изучению феномена предпринимательства со строго научных позиций. В который раз работы

известного и, пожалуй, самого полемичного в современной России историка убеждают в том, что нет универсальных теорий, которые смогли бы дать максимально приближенное к неоднозначной и противоречивой реальности объяснение многослойному и многогранному историческому процессу. Спектр исследовательских приемов Б.Н. Миронова весьма широк: это полный набор традиционных методов исторического исследования, статистического анализа, а также антропометрия и методы демографического прогнозирования – все то, что было им ранее задействовано в других монографиях.

В-третьих, почему не останется незамеченным экспертным сообществом труд Б.Н. Миронова. На мой взгляд, потому что трехтомник посвящен одной из самых актуальных и дискуссионных тем российской истории, которую автор целенаправленно изучал все предшествующие годы. Новое произведение, как можно понять из его сопоставления с книгами «Социальная история России...» (Миронов, 2003) и «Благосостояние населения и революции в имперской России...» (Миронов, 2012), – это не механическое соединение ранее опубликованных трудов, а творческое развитие главных положений прежних изданий, с дополнениями и доработкой, с включением новых данных, вопросов и аргументов. В силу этого изменилась структура труда, тематические рубрики, претерпели корректировку таблицы. По-новому написаны предисловие, введение и заключительная глава. Неизменной осталась главная цель исследования – доказательство схожести процесса исторической эволюции России и стран Западной Европы от традиции к модерну. Это красной нитью проходит через все подразделы трехтомника, Б.Н. Миронов не отступает от своей идеи ни разу, последовательно убеждая читателя в своей правоте, которая опирается на прочный фундамент фактов, источников, научной и художественной литературы, исторических фотографий.

Например, глава, посвященная проблемам колонизации (Миронов, 2014: 75–321), значительно расширилась за счет включения вопросов национальной политики и управления национальными окраинами. Особый подраздел посвящен положению евреев в Российской империи, в этом вопросе действительно стоит спокойно и непредвзято разобраться, опираясь на источники, поскольку в литературе и в быту превалирует искаженное представление на сей счет. Не оспаривая сам факт имевшей место в истории России дискриминации по национальному и религиозному признаку, хочу отметить обнаруженную мной тенденцию постепенного снятия законодательных ограничений, которое завершилось отменой в 1915 г. черты оседлости и отказом от применения сословного принципа в предпринимательской деятельности еврейского населения. Показанные и обобщенные Б.Н. Мироновым факты свидетельствуют о неуклонной либерализации правительственной политики в национальном вопросе. Добавлю только как характерную деталь, что в Российской империи была национальная окраина-автономия – Великое княжество Финляндское, где коронная администрации сохранила прежнее шведское законодательство во многих сферах экономической и общественной жизни, а затем предоставила финнам самим заниматься его реформированием. Так вот, отношение к евреям там было, с моей точки зрения, просто ужасающим, но об этом сейчас почему-то неполиткорректно говорить. Увы, факты национальной и религиозной дискриминации были характерны для многих стран Европы, и от нее избавлялись постепенно в течение десятилетий. То же было и в России. При этом я считаю, что самым ущемленным сословием у нас являлось крестьянство, для которого существовало свое особое законодательство, и оно, крестьянство, долго не могло реализовать в полной мере право частной собственности на землю. Эти наблюдения, полученные в результате анализа реконструированного массива законодательных источников под названием «предпринимательское право» Российской империи, находятся в полном согласии с выводами Б.Н. Миронова, сделанными в главе 10 «Право и суд, преступление и наказание» (Миронов, 2015b: 9–165).

То же можно сказать и о главе 8 «Государственность и государство» (Миронов, 2015a: 345–685), в которой поднимаются жизненно важные вопросы недоуправляемости, численности чиновников и дефицита административного ресурса, а главное – эффективности государственного управления. К решению этой проблемы Б.Н. Миронов подходит здраво и взвешенно, опираясь на опыт отечественных и зарубежных историко-экономических исследований и выдвигая научные критерии оценки. Причем эти критерии примерно одинаковы как для микроуровня (фирма), так и для макроуровня (государство), и, самое важное, они приняты мировым научным сообществом: историками-экономистами и политологами. Длительное изучение делопроизводственной и финансовой документации

различных крупных российских и иностранных компаний позволило сделать ряд важных выводов: о тенденции их устойчивого роста во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на периодические экономические кризисы, а также о трансформации системы управления, продолжительном социальном спокойствии, повышении уровня заработной платы и в конечном счете улучшении качества жизни. Экономика России, как и остальных стран, представляла собой совокупность фирм, и, как уже доказано многочисленными исследованиями по «бизнес-истории», именно на этом уровне формируются конкурентные преимущества.

Трудно не согласиться с утверждением Б.Н. Миронова о том, что необходимо «опираться на данные о результатах функционирования государственного аппарата». Он солидаризуется с американскими политологами Г. Алмондом, Дж. Пауэллом, К. Стромом и Р. Далтоном, считая, что надо смотреть на долгосрочный устойчивый рост экономики, политическую и социальную стабильность, повышение жизненного уровня населения и улучшение его основных демографических характеристик (Миронов, 2015а: 570). Так вот, с этой точки зрения позиции России были не так уж плохи, и Б.Н. Миронов на протяжении многих лет в своих работах доказывает положительный тренд в развитии. Делается это и на страницах всего трехтомника, в особенности в заключительной главе 13 «Итоги развития России в период империи» (Миронов, 2015b: 591–709). Он подчеркивает, что именно в 1894–1914 гг. наблюдались наивысшие темпы развития страны во всех сферах, в том числе в государственном строительстве (Миронов, 2015а: 582). Следует отметить, что причины медленной модернизации, по убеждению автора, были обусловлены недоуправляемостью. Мне представляется, что в этом сыграли свою роль также размеры страны, масштабы экономики. Это все равно что река, которая неспешно течет по бескрайним просторам равнины.

Проблема человеческого капитала России, рассматриваемая в особом подразделе, раскрыта, как я думаю, не полностью. В новом произведении она получила дальнейшее развитие по сравнению с книгой «Благосостояние населения и революции в имперской России...», где затрагивался вопрос об образовании рекрутов на основе формулярных списков. Свое понимание термина Б.Н. Миронов дает на с. 745 (Миронов, 2015b). С самого начала автор конкретизирует исходные позиции, выбирая из разных измерителей величины человеческого капитала собственно уровень грамотности. В результате он ограничивает рассмотрение проблемы вопросом распространения грамотности среди населения, однако берет огромный отрезок времени в 1000 лет. Для ученого очень важна доказательственная база и в первую очередь массовые данные, которые дают целостную и более объективную картину по сравнению с нарративными источниками. С этой целью он опирается на материалы Первой всероссийской переписи населения и изучает динамику грамотности с 1797 по 1897 г. Что касается раннего периода, то Б.Н. Миронов привлекает сведения, полученные другими исследователями вопроса. Общий вывод сводится к тому, что грамотность среди простого населения до XVIII в. развивалась крайне медленно, и только с отменой крепостного права к ее приобретению наблюдается повышенный массовый интерес (Миронов, 2015b: 499–500).

Хотелось бы отметить, что в науке существует и более широкое толкование термина «человеческий капитал», которое связано с современной ситуацией. С точки зрения инвестиций эксперты Всемирного банка учитывают расходы семей на питание, одежду, жилище, образование, здравоохранение, культуру, а также расходы государства на эти цели. Иными словами, если говорить кратко, то человеческий капитал – это интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и качество жизни. Если приспособить современное содержание термина к истории Российской империи XIX – начала XX в., тогда получается следующее. Человеческий капитал – это также и становление среднего специального и высшего образования, уровень квалификации наемных работников на разных ступенях экономической структуры, каналы и способы взаимодействия высшего и среднего специального образования с торгово-промышленными предприятиями, обеспечение охраны труда и здоровья работников, а также организация досуга и развлечений. Из этого широкого толкования кратко остановимся на проблемах становления среднего и специального высшего образования и уровне квалификации управленческого персонала торгово-промышленных фирм. Как представляется, эти аспекты не менее важны для понимания тенденций экономического развития России на рубеже веков и высоких темпов роста, более того, они весьма показательны с точки зрения эволюции страны от

традиции к модерну и работают на общие взгляды Б.Н. Миронова. Концепция человеческого капитала в широком смысле наглядно показывает отличительную особенность России: совмещение различных стадий развития.

Процесс становления инженерно-технического образования в России растянулся практически на весь XIX в., причем он шел в двух направлениях. Во-первых, формирование системы специализированных ремесленных школ и коммерческих училищ, которые поставляли конторских служащих в набиравшие обороты торгово-промышленные предприятия. Во-вторых, в России во второй половине XIX в. стали появляться высшие инженерно-технические училища, которые готовили кадры для российской текстильной и тяжелой промышленности, а также для железных дорог. И в том, и другом случаях процесс усилился к концу XIX в. К 1913 г. Россия располагала в общей сложности 754 средними заведениями с численностью учащихся 119 720, которые были подведомственны министерствам народного просвещения и торговли и промышленности. Что касается высшего образования, то инженерно-промышленных институтов (государственных, общественных и частных) насчитывалось 17 с почти 24 тыс. студентов (Россия, 1995: 331, 337, 346–347). Говоря иначе, вступление Российской империи в фазу современного экономического роста потребовало привлечения в промышленность высококвалифицированных кадров, имеющих специальную подготовку. Быстрый рост числа учебных заведений говорит о том, что страна сумела ответить на вызов времени. Более того, по мнению некоторых отечественных специалистов, «Россия уже между 1904 и 1914 годами (вместе с США) стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию» (Сапрыкин, 2009: 46).

В этом процессе есть еще один важный аспект, который характеризует успехи страны в подготовке инженерных кадров. Это та роль, которую сыграли представительские организации торгово-промышленного класса. Несмотря на то что в последнее время их история активно изучается, образовательной функции уделяется недостаточно внимания, и именно в контексте концепции человеческого капитала. Во-первых, сфера образования и просветительская деятельность стали полем взаимодействия государства и общественных организаций; во-вторых, инженерно-технический персонал коммерческих фирм сыграл важную роль в укреплении связи науки и производства. Лидером в развитии среднего технического образования являлось Русское техническое общество, организовавшее к 1903 г., по данным Н.Г. Филиппова, только в одном Петербурге 63 школы, в которых обучалось почти 7 тыс. подростков (Филиппов, 1976: 168). В целом Министерство народного просвещения ежегодно перечисляло 12 тыс. руб. на общие расходы, а на содержание некоторых школ доля государственных учреждений в финансировании колебалась от 36 до 76 % (Бюджет, 1908: 2, 4, 6). Подготовка инженерных кадров и специалистов среднего звена – это особая тема, и она требует глубокого изучения, и, конечно, как мне представляется, ее можно было поставить как проблему в рамках фундаментального и обобщающего труда Б.Н. Миронова. Что касается уровня квалификации управленческого персонала фирм, то и эта проблема слабо изучена в нашей историографии. Ограничусь только тем, что в ряде крупнейших торгово-промышленных предприятий ключевые посты в администрации и на производстве занимали специалисты не только с высшим образованием, но и получившие научные степени. Проблема человеческого капитала, решаемая в широком контексте, позволяет определить дополнительные аспекты в теме формирования гражданского общества и показать те позитивные сдвиги, которые произошли в позднимперский период.

В завершение обзора хотелось бы остановиться на некоторых вопросах взаимодействия традиционной и современной культуры в процессе модернизации Российской империи. И здесь можно обнаружить удивительные метаморфозы. Поскольку вопрос веры не обсуждается, то дискуссию переведем в другую плоскость. Возражая утверждению о том, что почитание икон и посещение святых мест – это не что иное, как предрассудки, относящиеся к элементам традиционной культуры, приведу следующее. Такие представители известной купеческой династии России, как Т.С. и М.Ф. Морозовы, сумевшие вывести Никольскую мануфактуру в ряды лидеров текстильной индустрии, оборудовали у себя в городской усадьбе в Трехсвятительском переулке моленную, по сути дела домашнюю церковь. Все 43 года, за которые в архивах сохранились главные книги Товарищества, в правом верхнем углу титульной страницы от руки неизменно писали «Господи благослови!». Супруги, не имевшие систематического высшего образования, привлекли к работе в Товарищество высококлассных бухгалтеров, делопроизводителей, инженеров-технологов,

механиков и электриков, которые представляли собой среднее и высшее звено управленцев. Их знания и умения помогли создать в итоге успешно работающее интегрированное предприятие с полным циклом производства и развитой социальной инфраструктурой. Религиозное воспитание старших Морозовых нисколько не помешало им активно поддерживать науку и искусство.

Другой не менее характерный пример. Как известно, искусство лаковой миниатюры по папье-маше пришло в Россию из Германии. Росписью шкатулок и табакерок занялись иконописцы миниатюристы – так у нас появились высокохудожественные народные промыслы Палеха, Мстеры, Федоскина, Холуя. Их материально поддержал старший сын Морозовых, Сергей, выпускник Московского университета. Художники работали, подпитываясь образами традиционной культуры, но создавали произведения с религиозными и светскими сюжетами. И, наконец, в России в церковной хоровой музыке наряду с древним одноголосным знаменным распевом со второй половины XVI в. культивировалось демественное (многоголосное) пение, а в светской – с XVII в. широкое распространение получили многоголосные канты. Инструментальная музыка западного образца пришла к нам только в XVIII в., и она легла на очень хорошо подготовленную почву. И поскольку русские люди воспринимали музыку не просто как совокупность нот, выстроенных в определенном порядке, а как нечто возвышенное, как ступени восхождения к Богу, то к концу столетия в нашей светской культуре уже имелись высокие образцы инструментальной музыки, которые принадлежали перу русских композиторов. В дальнейшем мы создали и собственную школу исполнительского искусства, теперь признанную во всем мире. А традиция создания духовных и светских произведений, как известно, начинает отчет с композиторов XVIII в. М.С. Березовского и Д.С. Бортнянского и переходит к П.И. Чайковскому, С.В. Рахманинову, Г.В. Свиридову и др. Иными словами, в сфере культуры была более сложная и, я бы сказала, причудливая динамика по сравнению с общим движением от традиции к модерну. С моей точки зрения в России произошло органичное взаимопроникновение двух культур.

Б.Н. Миронов создал значительное произведение, которое требует внимательного прочтения и длительного осмысления. Этот обобщающий труд крайне необходим нашей науке, высшей школе и современным политологам.

Литература

Бюджет, 1908 – Русское Техническое общество. Бюджет Постоянной комиссии по техническому образованию на 1908 год. Б. м., б. г.

Миронов, 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2012 – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Миронов, 2013 – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015a – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015b – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Россия, 1995 – Россия 1913 г.: статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. 416 с.

Сапрыкин, 2009 – *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Филиппов, 1976 – *Филиппов Н.Г.* Научно-технические общества в России (1866–1917). М.: МГИАИ, 1976. 216 с.

References

- Byudzhnet, 1908** – Russkoe Tekhnicheskoe obshchestvo. Byudzhnet Postoyannoi komissii po tekhnicheskomu obrazovaniyu na 1908 god [Russian technical society. Budget of the Standing commission for technical education on 1908 year]. B. m., b. g. [in Russian].
- Filippov, 1976** – *Filippov N.G.* Nauchno-tekhnicheskie obshchestva v Rossii (1866–1917) [Scientific and Technical Societies in Russia (1866–1917)]. Moscow: Moscow State Institute for History and Archives, 1976. 216 p. [in Russian].
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].
- Mironov, 2012** – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-Being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p. [in Russian].
- Mironov, 2013** – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nnavy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- Mironov, 2014** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- Mironov, 2015a** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- Mironov, 2015b** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- Rossiia, 1995** – Rossiia 1913 god: statistiko-dokumental'nyi spravochnik [Russia in 1913: statistical and documentary reference book]. St. Petersburg: BLITS, 1995. 416 p. [in Russian].
- Saprykin, 2009** – *Saprykin D.L.* Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi imperii [The educational potential of the Russian Empire]. Moscow: Institute of History of Science and Technology RAS, 2009. 176 p. [in Russian].

УДК 93(47)

Феномен российской модернизации: исследовательские подходы, проблемы правового государства, управления и человеческого капитала

Ирина Викторовна Поткина^{a, *}

^a Институт российской истории Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья является откликом на ряд важных проблем общественно-политического и социально-экономического развития Российской империи в XVIII–XX вв., которые были рассмотрены в фундаментальной и комплексной монографии Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». Поткина рассмотрела такие темы, как состояние современной отечественной историографии, теоретико-методологическая база исследований, национальная политика, религиозная и сословная дискриминация населения страны, особенности государственного управления и его эффективность. Обращено внимание на необходимость расширения концепции человеческого капитала за счет включения вопросов становления среднего и высшего специального образования, которое сыграло большую роль в обеспечении торгово-промышленных фирм дипломированными специалистами на рубеже XIX–XX вв. Особо подчеркивается вклад российских предпринимателей и их наемных управляющих в укрепление связи производства с наукой и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: potka@inbox.ru (И.В. Поткина)

раскрывается роль представительских организаций торгово-промышленного класса в развитии профессионального образования. Автор также показывает сложное взаимодействие традиционной и современной западной культуры в имперской России в период модернизации, их взаимовлияние и в конечном счете органичное слияние. Указанные процессы раскрываются на примерах деловой культуры купеческой династии Морозовых, искусства лаковой миниатюры Мстеры, Палеха, Федоскина, Холуя, а также духовной и классической музыки России XV–XX вв.

Ключевые слова: историография; методология исследований; модернизация; экономическое развитие; управление; национальный вопрос; техническое образование; инженерно-технический персонал; коммерческие фирмы; традиционная культура.